

стве *Шмидта*, например, преобладают, в отличие от работ Витлиха, доминантные черты аутсайдеровского искусства: утилизированный материал (дерево), граненые силуэты фигур, яркие цветовые сочетания (скульптуры «Лама», «Собака», «Мать с ребенком» и др).

Как видим, в конце XX в. уже можно говорить о сложившейся национальной школе наивного искусства в Германии, о том, что «потенциал любительского творчества далеко не исчерпан, а его судьба в контексте русской культуры рубежа тысячелетий еще станет предметом многих исследований и дискуссий» [Богемская, 1999, 438].

Богемская К. Г. Первоэлемент творчества // Декоративное искусство. 1993. № 1–2.

Богемская К. Г. Самодеятельное изобразительное искусство // Самодеятельное художественное творчество в СССР: Очерки истории. Конец 1950-х – начало 1990-х годов. СПб., 1999.

Вакар Л. О первичности творчества и его формах в наивном // Декоративное искусство. 2000. № 1–2.

Наивные художники мира: Каталог выставки / Авт.-сост. Ф. Грюнд, О. Дьяконицына. М., 1990.

Прокофьев В. Н. О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени // Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени: Сб. ст. М., 1983.

Тевоз М. Арт-брют. Paris, 1995.

Чечот И. Немецкое искусство в частных собраниях Москвы // Пинакотека. 1999. 3–4, № 10–11.

Jahn J. Wörterbuch der Kunst. Stuttgart, 1989.

Michailov N. Zur Begriffsbestimmung der Laienmalerei // Zeitschrift für Kunstgeschichte. 1935. № 5–6.

Outsider Art. Collection Charlotte Zander / Text von Claudia Dichter. Böningheim, 2000.

Pohribny A. Die naive Kunst in der Tschechoslowakai, Š. Tkač. Praha, 1967.

Roh J. Adalbert Trillhaas religiöse Malerei // Das naive Bild der Welt: Ausstellung, Baden-Baden, Frankfurt a/Main, 1961: Katalog. Baden-Baden, 1961.

А. В. Лукина

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Одним из ключевых направлений в современной западной науке за последние три десятилетия являются исследования национальной идентичности. В российской науке этот процесс только начинается, постепенно переводятся работы западных авторов в этой области, публикуются статьи отечественных исследователей, в образовательные программы вузов вводятся новые курсы, посвященные проблемам нации и национализма, становится регулярным проведение научно-практических конференций, круглых столов, дискус-

сий на страницах журналов и Web-сайтов. Несмотря на обилие публикаций, национальная идентичность в целом и российская национальная идентичность в частности не получают адекватного осмысления с позиций сегодняшнего дня. Изменение социокультурного контекста, появление новых методологических подходов в гуманитарных исследованиях (прежде всего, западных) требуют переосмысления традиционных эссенциалистских подходов к проблемам нации, национальной идентичности, представлениям о негативной роли национализма и т. д., на которые опираются большинство современных российских исследователей.

Задача данной статьи – описать новый для российской культурологии подход к исследованию национальной идентичности. И в российской, и в западной науке принято условно выделять три подхода в исследованиях нации и национальной идентичности: примордиальный, модернистский и постнеклассический, часто называемый конструктивистским или деконструктивистским. Мы очень кратко рассмотрим первые два, основное внимание уделив последнему.

Представителями примордиального подхода (К. Гирц, Э. Смит, Ю. Бромлей, М. Н. Руткевич, А. Н. Малинкин, Н. Н. Моисеев, В. И. Козлов, А. С. Баронин, В. Г. Бабаков, В. М. Семенов, А. В. Гулыга, В. А. Махнач, Э. А. Поздняков, С. А. Кравченко и др.) нация рассматривается как объективно данная реальность, высший этап развития этноса, т. е. нация трактуется в качестве расширенной родственной группы, высшей формы этнической общности людей, возникшей в эпоху формирования буржуазных отношений и ликвидации на этой основе феодальной раздробленности, складывания этнической территории и объединения людей, говорящих на одном языке, имеющих общую культуру, традиции, психологию и самосознание. Национальная идентичность (данному термину сторонники примордиального подхода предпочитают такие понятия, как национальный дух, национальный характер, гений нации, национальное самосознание и национальная психология), рассматривается как «коллективное чувство лояльности», «привязанности, проистекающей из чувства естественной духовной близости» (К. Гирц). Понятия национального характера, национальной души, национального самосознания как основной дефиниции нации берут свое начало в трудах немецких романтиков и получают широкое распространение, например, в трудах русских славянофилов – К. Аксакова, И. Аксакова, И. Киреевского, А. Хомякова, в концепции культурно-исторических типов Шпенглера и Данилевского, в трудах философов русской эмиграции Н. Бердяева, П. Струве, русских религиозных философов С. Трубецкого и др. Представление о том, что нация обладает объективными характеристиками, как то: территория, язык, общность хозяйства, психологический склад или национальный характер, достаточно спорно в связи с тем, что ни одна из дефиниций не работает по причине многочисленных исключений из правила. Подобные представления о нации характеризуют и многочисленные радикальные националистические течения. Примордиальный подход к нации, распространенный, например, в советской этнографии, надо отметить, становился инструментом советской

политики в национальном вопросе и средством национальной инженерии. Сам научный дискурс о нации можно рассматривать как средство формирования национальной идентичности.

Модернистский и постмодернистский (постнеклассический) подходы к нации представлены в основном именами западных интеллектуалов, большинство современных российских исследователей либо остается на позициях примордиального подхода, либо пытается адаптировать западную методологию к анализу российского материала (А. Миллер, В. Тишков, О. Майорова и др.).

Модернистские теории нации сформировались во многом под влиянием классического марксизма, работ М. Вебера, Г. Зиммеля, психоанализа З. Фрейда, философии франкфуртской школы (Т. Адорно, В. Беньямин, Х. Маркузе, Ю. Хабермас). Общую позицию сторонников модернистского подхода можно сформулировать следующим образом: нация не является древней или извечной природной данностью, а представляет собой продукт экономических изменений, индустриальной революции, образования современных бюрократических государств, становления системы общего стандартизированного образования (О. Бауэр, М. Хрох, Э. Геллнер, Д. Бройи, Э. Хобсбаум, А. Коэн, Г. Дилигенский, В. Дойч и др.). Вольфганг Дойч подчеркивает роль развития современных форм коммуникации, железных дорог, средств массовой информации в процессе формирования нации. Геллнер подчеркивает роль стандартизированного образования в процессе становления гомогенного общества, которое он называет нацией.

Сторонники постнеклассического подхода, вслед за Бенедиктом Андерсеном, трактуют нации как «воображаемые сообщества». Воображаемыми большие сообщества являются вследствие того, что члены даже самой маленькой нации не могут знать друг друга в лицо или даже слышать друг о друге, но у каждого в воображении существует образ их общности. Собственно, все крупные сообщества людей являются воображаемыми, все дело заключается в способе воображения. Нация, в концепции Андерсена, является продуктом националистического способа воображения, распространенного с помощью «печатного капитализма» (аудивизуального капитализма сегодня). Представители постнеклассического подхода (Б. Андерсен, К. Вердери, среди современных российских гуманитариев – В. Тишков, А. Миллер) рассматривают нацию как продукт воображения, как идею или проект, формирующиеся при помощи дискурсивных практик – научных, художественных, политических. Подчеркнем, что «воображаемая природа» национальных сообществ вовсе не говорит о ложности или нереальности этих сообществ.

Главный акцент в рамках постнеклассического подхода ставится на понятии идентичности, в том числе и национальной. И здесь проходит еще одна линия размежевания с примордиальным и модернистским подходами к проблеме нации. В исследование проблем национальной идентичности и формирования наций большой вклад внесли постколониальные исследования – одна и наиболее стремительно развивающихся сегодня областей культурологии, к сожалению еще не получившая должной оценки и развития в современной

русской гуманитарной науки. Не переведены еще на русский язык такие базовые труды в области постколониальных исследований, как «Ориентализм» Э. Саида, «Location of Culture» Х. Бабы, работы Ф. Фенона и др. Имеющиеся крайне редкие ссылки на работы вышеперечисленных авторов также свидетельствуют о непризнанности данной области в российской гуманитарной науке. С чем же связано игнорирование российской наукой этих исследований, которые, на наш взгляд, предоставляют широкие возможности для анализа причин многих современных противоречий постколониального мира, в том числе и многочисленных конфликтов постсоветского пространства? Возможно, одна из причин кроется в бессознательном отрицании статуса России в качестве колониальной империи как в массовом сознании, так и в среде интеллектуалов. Действительно, если сравнивать Российскую империю XIX в. с классическими европейскими колониальными империями, например Британской, мы увидим одно немаловажное различие. Британская империя осваивает заморские колонии, Российская – прилежащие к ней территории, а также собственные внутренние территории в процессе капитализации и догоняющей индустриальной модернизации. Таким образом, в случае с Российской империей и СССР мы имеем дело как с внешней, так и с внутренней колонизацией. Примечательно, отмечает А. Эткинд, что границы внешней и внутренней колонизации размыты, в конечном счете невозможно определить, где кончается метрополия и начинаются колонии. Практики контроля и дисциплины, применяемые по краям империи, постоянно переносятся имперским центром на управление, внутренними губерниями [см.: Эткинд, 2003]. Характерными феноменами колониализма являются этнография (имперская наука о покоренных народах), миссионерство и экзотические путешествия, описаниями которых пронизана европейская литература XIX в. В рамках российской колонизации, носящей центростремительный характер, можно видеть процессы, родственные европейской колонизации и отличные от нее: «...главные пути российской колонизации были направлены... внутрь метрополии. Тут государство раздавало латифундии и подавляло восстания. Здесь открывали общину и записывали фольклор. Здесь изучали старинные обычаи и странные религии. Сюда направлялись местные паломники в страну Востока» [Там же]. Таким образом, в проекте российской колонизации, как внутренней, так и внешней, можно увидеть большое количество процессов и механизмов осуществления колониальной власти аналогичных европейским. В связи с этим мы считаем вполне правомерным использовать опыт и методологию западных постколониальных исследований применительно к анализу российской культуры.

Постколониальные исследования в современной западной науке представляют собой достаточно широкую область гуманитарного знания, включающую в себя исследования таких проблем, как природа культурной идентичности и механизмы ее формирования в колониальном и постколониальном мире, исследование концепций расы, этничности, гендера, процессы формирования субъективности в условиях империализма, вопросы языка и власти. Одним из классиков постколониальных исследований является Франц Фа-

нон, уделивший большое внимание вопросам формирования идентичности колонизированных народов. В формировании идентичности покоренных народов ключевую роль играет язык, колонизация утверждается посредством языка, или языка власти. Э. Саид, исследуя европейскую литературу XIX в., вводит понятие дискурса ориентализма. Термин «дискурс» используется здесь в фукольдианском понимании – как совокупность практик, создающих те объекты, о которых они говорят. «Без дискурса ориентализма невозможно понять, – пишет Саид, – как европейская культура управляла и, более того, политически, идеологически, научно и художественно продуцировала Восток» [Saïd, 2001]. Дискурс ориентализма, по мнению Э. Саида, это прежде всего средство утверждения и функционирования колониальной власти Запада, через который формируется идентичность самого колонизатора. А. Эткин, основываясь на теории Э. Саида, проводит анализ отечественной литературной классики XIX в. Если в европейской колонизации, утверждает Эткин, колониальный дискурс выстраивает этнический, расовый тип «другого», то в случае с российской внутренней колонизацией в роли ориентального «другого» выступает собственный народ, населяющий центральную полосу России. Приемы описания собственного народа в русской литературе совпадают с методами описания колонизированных народов в европейской литературе того же периода. Таким образом, идентичность колонизатора, в т. ч. и национальная, строится через отношение к «другому» посредством соответствующего колониального дискурса.

Англо-американский исследователь Х. Баба также рассматривает колониальный дискурс как средство формирования колониального субъекта как колонизирующего, так и колонизируемого. При этом национальная идентичность колонизируемых строится по правилам метрополии и через дискурс метрополии. Б. Андерсен ярко доказывает, что такие дискурсивные практики колониализма, как перепись населения (его калькуляция и классификация), картографирование территории (карта в этом случае выступает как логотип), музеефикация культурного наследия колонизируемых, выстраивают национальную идентичность колонизированных субъектов и в то же время ее отрицают. Данное положение характерно и для советского дискурса, который вполне можно назвать колониальным, где, с одной стороны, национальная идентичность отрицается, стирается идеологией интернационализма и процессом конструирования нового суперэтноса или супернации – советского народа, а с другой стороны, национальная идентичность вырабатывается, формируется различными средствами – от советской этнографии и советского кинематографа до ВДНХ. Вследствие этого национальная идентичность, русская в частности, оказывается «гибридной» (термин Х. Бабы), построенной по логике парадокса, гетерогенной, одновременно включающей в себя анти- и проколониальные коды. Любой националистический дискурс выстраивает национальную идентичность по правилам метрополии и претендует на то, чтобы занять место колониальной имперской власти.

Х. Баба подчеркивает перформативную природу идентичности, которая всегда строится посредством нарративов. Таким образом, национальная иден-

тичность не является генетически наследуемым элементом, а представляет собой искусственную конвенциональную конструкцию, продукт коллективного воображения, формируемого при помощи различного рода дискурсивных практик. Национальную идентичность можно рассматривать как форму нарратива и перформанса, т. е. создаваемого нацией коллективного повествования, представления о самих себе и «других». С позиций исследователя национальной идентичности в рамках постнеклассической исследовательской парадигмы не так уж важно, основывается ли самоутверждение нации на достоверных фактах или на воображении и императиве желания. Национальная идентичность, или утверждение того, чем мы являемся, что мы собой представляем и чего мы хотим, выражается символически, метафорически и аллегорически. Коллективное «я» не существует вне и до дискурса. Вот почему искусство, медиа и символы играют такую важную роль в конструировании национальной идентичности. Исследователь национальной идентичности имеет дело не столько с фактическим наличием нации, сколько с выражением, репрезентацией этого наличия.

Современные западные *Postcolonial* и *Cultural Studies* предлагают рассматривать национальную идентичность не в качестве постоянной величины, а в качестве исторически изменчивого, бесконечно длящегося проекта, осуществляемого при помощи различных форм медиа (СМИ, литература, изобразительное искусство, архитектура, церемонии и ритуалы и т. д.), которые и оказываются «средствами формирования национальной идентичности в качестве ежедневного социального проекта» [Appadurai, 2002, 173].

Национальная идентичность как нарратив или перформанс не представляет собой однородного целого – она является фрагментированной, разорванной в самой себе, гетерогенной. Национальный нарратив, или нарратив нации, всегда, по мнению Х. Баба, прерывается, оспаривается наличием других нарративов, нарративов меньшинств. Национальная идентичность постоянно «перебивается и оспаривается вмешательством других голосов, других идентичностей» [Bhabha, 1998, 123]. Следовательно, национальная идентичность всегда содержит в себе нечто бессознательное, вытесненное, скрытое. Ю. Кристева также подчеркивает, что любая коллективная идентичность всегда содержит в себе образ «другого» или «других», оспаривающих однородность и однозначность национального нарратива. В терминологии М. Фуко, любая коллективная идентичность зависит от ее конструкции «другого». Идентичность, таким образом, строится на границах, «по ту сторону», в пространстве «за пределами» гомогенной культуры («in beyond» – Homi Bhabha) или в промежутке (зазоре) «между различными культурами» («in-between of different cultures» – Stuart Hall) [цит. по: Merzoeff, 2002]. Следовательно, понимание национальной идентичности невозможно без исследования того, что было вытеснено из национального нарратива, что не представлено, подавлено, что осталось скрытым в бессознательном, спрятанным под маской. А скрытым чаще всего оказывается бессознательное желание занять место власти, имперского центра, метрополии. Так, теракты исламистов совершаются в эстетике голливудских фильмов, и степень ненависть к Западу в различных ра-

дикальных националистических движениях неизбежно варьируется от мессианской идеологии по его исправлению и воспитанию, т. е. «окультуриванию и улучшению «западных варваров», до требования полного уничтожения. Точно так же революционеры наследуют у поверженного режима не только территории, но и коды правления, перенося столицу нового советского государства из европеизированного Санкт-Петербурга в царскую «третьеримскую» Москву.

Постколониальные исследования позволяют выйти на новый уровень понимания противоречивых процессов формирования национальной идентичности и обострившихся межнациональных, межэтнических конфликтов современного мира как в бывших метрополиях, так и на территориях бывших колоний.

Богатый исследовательский материал для анализа национальной идентичности представляют собой различные медийные формы, такие как изобразительное искусство, литература, средства массовой информации, кинематограф, архитектура и т. п., если отказаться от традиционного эссенциалистского подхода к ним как чисто рефлексивным феноменам, отражениям «народной души» как внеисторической, предзаданной сущности. СМИ, реклама, различные виды и жанры искусства скорее создают, конструируют национальную идентичность, представляют собой дискурсивные практики, чем отражают объективную реальность.

Приведем лишь несколько примеров применения методологии постколониальных исследований к российским феноменам, приняв тезис о колониальном характере Российской империи и СССР. Т. Митчелл в качестве одной из дискурсивных форм формирования идентичности субъекта исследует различные европейские выставки – одно из наиболее популярных явлений XIX–XX вв. Он пишет о том, что любая колониальная система утверждается через «экспозиционный порядок» (*Exhibitionary order*), т. е. сведение мира к материальным объектам, «наделяемым возвышенными смыслами, такими как репрезентация Истории, Империи, Прогресса» [Mitchell, 2002, 145]. Европейские выставки, по мнению Митчелла, не просто репрезентировали окружающий мир, а выстраивали его по своему образу и подобию, они создавали мир структурированным как выставка *world-as-exhibition*. Выставка, таким образом, представляла собой дискурсивную форму, или нарратив, повествующий об истории, силе империи, ее прогрессивном развитии и т. д. Советский период не менее одержим «экспозиционным порядком», наиболее яркими воплощениями которого являются Московский метрополитен и ВСХВ–ВДНХ. Сталинская архитектура как форма нарратива, с одной стороны, репрезентировала власть, силу и могущество новой империи, т. е. была средством формирования единой имперской идентичности, с другой – в недрах колониального дискурса выстраивала множество национальных идентичностей созданием, например, этнически стилизованных павильонов советских республик.

Б. Андерсен анализирует карту и музей как средства формирования национальной идентичности. Колониальный режим в первую очередь тщательно

картографирует свои владения, разделяет территории, маркирует границы. Не случайно впоследствии колониальные империи распадаются по тем границам, которые были выстроены колониальным режимом. Не является исключением и СССР: империя распалась по границам советских республик, проведенным в 1920–1930-е гг. Другой аватарой карты является карта-логотип, т. е. выкрашенный в определенный цвет контур территории, не расчлененный линиями параллелей и меридианов. Такой знак (или образ), размещаемый на открытках, страницах газет и журналов, учебниках и т. д., бесконечно репродуцируемый и транслируемый при помощи «печатного капитализма», становится элементом национальной идентичности колонизированного субъекта. Территория Советского Союза также была разделена на союзные республики, где каждая отдельная часть картинки-«пазла» имела свой собственный цвет, внедряемый в массовое сознание, который создавал эффект принадлежности к определенной территории, характерному элементу любого национального нарратива.

Любой нарратив нации включает в себя пространственные элементы, образ своей территории, своего обитаемого пространства. Таким образом, одной из дискурсивных форм построения национальной идентичности является пейзаж. У. Т. Митчелл непосредственно связывает само развитие пейзажа с процессами формирования наций в Европе и одновременно колониальной экспансией европейских империй. В отличие от классического искусствоведения, сегодня западная культурология рассматривает пейзаж не просто как жанр искусства, обладающий рефлексивной функцией, а как «социальный иероглиф», «медиум», «систему культурных кодов», механизм формирования национальной идентичности. Пейзаж как «система культурных кодов» [Mitchell, 2002, 2] внутренне связан с дискурсом колониализма. Пейзаж, в понимании Митчелла, является «эмблемой социальных отношений, которые он маскирует», «продуктом мечты» (*dreamwork*) империализма. Если рассматривать пейзаж как форму национального нарратива, то европейский и российский пейзажи XIX в. будут характеризоваться как одновременно империалистические и антиколониальные, национальные. С одной стороны, пейзаж рассказывает о красотах природного ландшафта родной страны, чаще всего исчезающем, с другой – повествует о том, на чем строится экономическая мощь империи.

Из всего сказанного следует, что подход постколониальных исследований к анализу дискурсивных практик формирования национальной идентичности, не существующей как объективное внеисторическое тождество, не только приемлем для анализа механизмов конструирования русской национальной идентичности на протяжении последних двух столетий, но и позволяет выйти на новый уровень понимания противоречивости и многогранности этого процесса.

Андерсен Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.

Геллнер Э. Пришествие национализма: Мифы нации и класса // Нации и национализм. М., 2002.

Кабанова И. А. Теории национальной идентичности [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.vsu.ru.

Коротеева В. Есть ли общепринятые истины о национализме [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.nationalism.org.

Левин Д. Российская империя и Советский Союз как имперские государства [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.empires.ru.

Майорова О. Из истории реформаторства в России [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.nlo.magazine.ru.

Малинова О. Либерализм и концепт нации [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.nationalism.org.

Миллер А. И. Украинский вопрос в политике властей Российской империи и в русском общественном мнении во второй половине 1850-х – начале 1880-х годов: Автореф. дис. ... доктора исторических наук [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.ukrhistory.narod.ru.

Олейников Д. И. Фронт и колонизации [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.empires.ru.

Тишков В. А. Забыть о нации [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.русскии-гум. narod.ru.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Ad Marginem. М., 1999.

Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

Эткинд А. Русская литература, XIX век: роман внутренней колонизации [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.nlo.magazine.ru.

Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.nlo.magazine.ru.

Appadurai A. Here and Now // The Visual culture reader. L.; N. Y., 2002.

Bhabha H. K. Location of culture. L.; N. Y., 1998.

Brenan T. The National Longing for form // The Postcolonial Studies Reader. L.; N. Y., 2001.

Fanon F. National Culture // The Postcolonial Studies Reader. L.; N. Y., 2001.

Mirzoeff N. Multiple viewpoint: Diaspora and visual culture // The Visual culture reader. L.; N. Y., 2002.

Mitchell W. T. Landscape and Power // Ibid.

Mitchell W. T. Orientalism and Exhibitionary Order // Ibid.

Said E. W. Orientalism // The Postcolonial Studies Reader. L.; N. Y., 2001.

Smith T. Visual regimes of colonization: aboriginal seeing and European vision in Australia // The Visual Culture Reader. L.; N. Y., 2002.

Verdery K. «Nation» and «Nationalism» // Daedalus. 1993. Sum.